

КОНКУРС КОРОТКОГО РАССКАЗА

Мы очень радуемся нашим участникам литературных конкурсов и дорожим ими. Нам приходит огромное количество заявок, география участников разнообразна: от российской деревушки под Псковом до Владивостока и Азии. А еще и русскоговорящее население Европы. Всероссийский конкурс короткого рассказа постепенно превратился в международный конкурс для русскоязычного населения всей планеты. Мы гордимся этим и хотим, чтобы в конкурсах фестиваля «Бунинские Озерки» участвовало еще больше талантливых людей. Как всегда, за звание победителей борются и признанные литераторы, профессионалы, и молодые, начинающие авторы. Представляем победителей Конкурса короткого рассказа—2023:

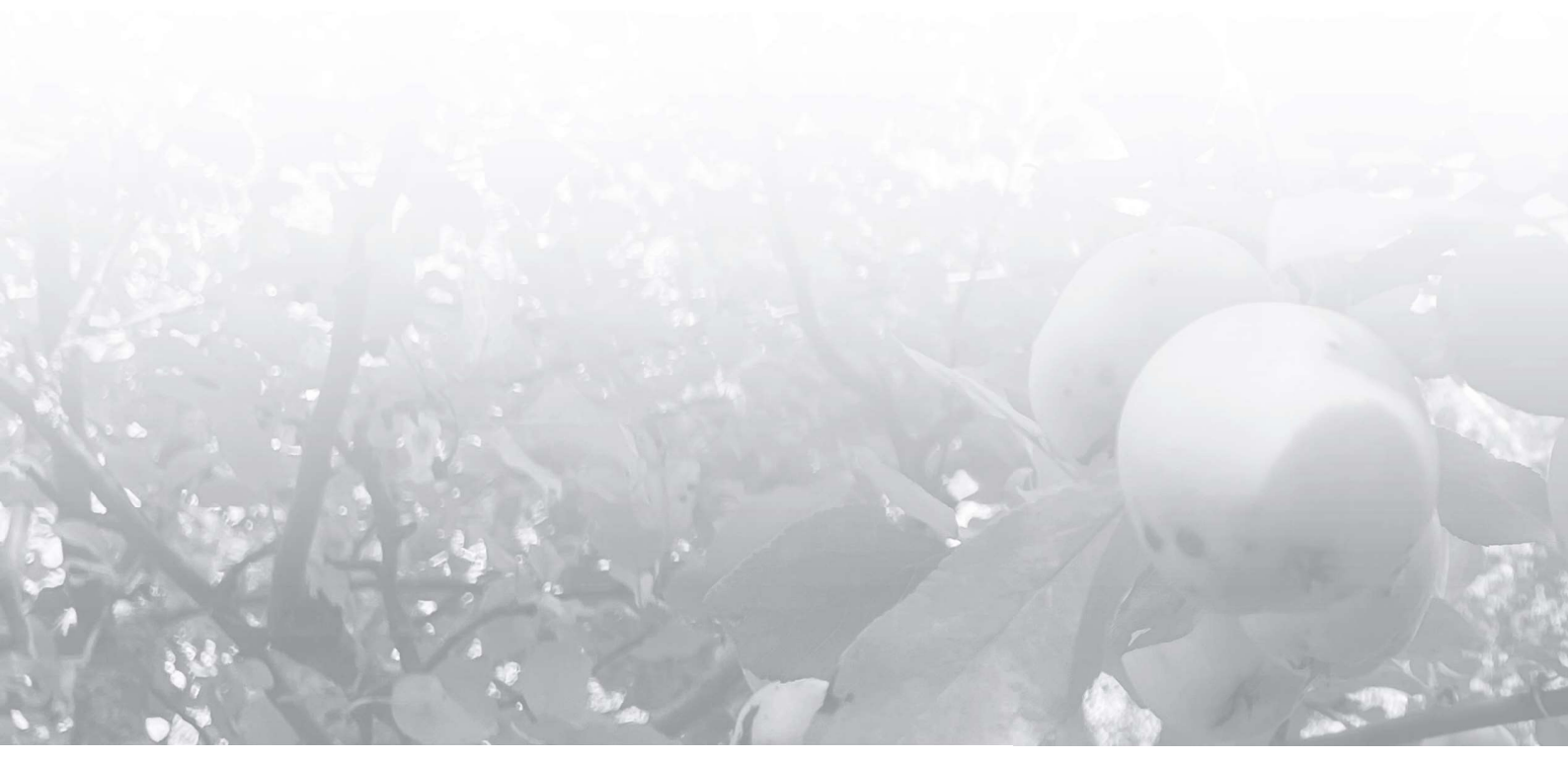
I место: Илья Криштул — член Союза литераторов (Москва);

II место: Екатерина Харитонова — студентка МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва);

III место: Гала Узрютова — поэт, драматург (Ульяновск).

МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА!

ЖЕЛАЕМ ИМ НОВЫХ ПОБЕД В ТВОРЧЕСТВЕ И ВДОХНОВЕНИЯ!

Илья Криштул

ПРО ОСЕНЬ

Осень надо жить долго. Неторопливо жить, вдали от города, в деревне, смотреть на небо, на реку, на лес и пить чай

на веранде. Чай крепкий, горячий, и пить его тоже долго, нежно, едва касаясь, чтобы не обжечься, из большой, как все

это небо, чашки. И чтоб тишина была, только легкий ветер и все. И слышно, как паук плетет свою сеть. И иногда чьи-то

голоса с того берега — то ли рыбаки, то ли грибники.

И тепло еще, можно в майке сидеть, и в следующую чашку чего-нибудь терпкого капнуть — ликера или бальзама, на

травах настоящего. И дышать осенью, и гладить кота, и пусть от ветра чуть поскрипывают качели. И задуматься — а

какой день сегодня? И решить, что не важно. Осень.

Она везде, осень — в комнатах, пахнущих почему-то смородиной, в траве, в облаках, даже бальзам какой-то осенний, летом его вообще не хотелось. Летом хотелось на реку, доплыть до острова и лежать там на песке, и ни о чем не

думать... А осень, она домоседка, она в старом буфете, в скрипучем шкафу, в ночных дождинках на стекле, в журналах

из прошлого века — взял почитать, а между страниц желтый лист. Тронешь — рассыпется, этому листу лет сорок,

Кресло-качалка — это тоже осень. Огонь, плед, тихая музыка, в руках бокал с вином... И больше никого, только ты и

осень. Сидишь, пьешь эту осень, осень дымит в камине, ты накрыт осенью и даже играет для тебя осень. Ни лето, ни

весна для тебя играть не будут, а осень играет — торжественно и грустно.

Осень любит, когда с ней разговаривают. Молча, без слов, в мыслях. «Ну что, золотая? Может, в карты сыграем?»

«Нет» — отвечает осень порывом ветра за окном: «Цеди меня, как это вино. Любуйся мною, как любишься огнем. И

встряхни меня, когда встанешь, как этот плед...» И ты послушно цедишь, и любишься, и встряхиваешь...

Осень обманчива, как женщина, и легкомысленна. Она ветрена — прикоснется нежно, тепло и вдруг обидится,

надуется, заплачет и исчезнет куда-то. И ты ходишь, ищешь ее — у пруда за домом, в роще, в овраге... А она появится

неожиданно, туманная, загадочная, красивая... «Ты где была, золотая?» «На том берегу... Видишь, там все уже желтое...» Ты смотришь — действительно, желтое. А еще вчера зеленело...

Осень надо жить долго. Вся наша взрослая жизнь — осень. Лето осталось где-то там, в школе, на море с родителями, в

том стареньком поезде с юга, в котором ехал с женой... С той женой, которая давно ушла в вечное лето...

Это плохо, если осень короткая.

Екатерина Харитонова

ДИССОНАНС

Асфальт тарасился на солнце мутными глазами-лужами. От яркого света они щурились, слепли и подсыхали. Новорожденная трава, чудом сумевшая пробиться сквозь ледяную коросту, куталась в еле заметный пар. Носы и руки прохожих все еще шелушились, но не так истоиво, как зимой: изнутри согревало смутное предчувствие приближающегося тепла. От земли при каждом прикосновении исходил мягкий гул; асфальт подпевал пешеходам и пружинил, облегчая шаги.

На тропинке, ведущей к Мещерскому лесу и кладбищу, показались две высокие фигуры. Они шли так близко друг к другу, что соприкасались руками, и временами из-за деревьев могло показаться, что это некий сросшийся организм. Силуэты двигались слаженно, почти в такт: одновременно поворачивали головы, ступали одинаково грациозно и плавно. Помаячив в парковых зарослях, фигуры устремились к витой беседке. Внутри стояли чугунный стол, покрытый инеем, и не менее промерзшая лавочка. Стен у беседки не было, поэтому ивовые ветки иглами торчали прямо над скамейкой.

Мужчина, укутанный в черный шарф, перешагнул через лужу перед входом и внезапно придумал четверостишие. Тут же рассмеялся, пытаясь выбросить из головы сбивчивый хорей. Сейчас не до этого. Шедшая рядом девушка вопросительно при-

подняла бровь, а он в ответ ласково подмигнул то ли ей, то ли растрившей воображение лужице. Поэт был невероятно худощав и походил на подвижную двухметровую цаплю. Лицо — тоже птичье: диковатые глаза, горбатый нос Македонского и острые скулы. Бодрый, энергичный и слегка нервный, с кровью, состоящей не из эритроцитов, а из кофеина и фантазии, он всегда улыбался и шутил. Между указательным и средним пальцами мужчина держал давно потухшую сигарету, о которой совершенно забыл в пылу разговора.

Его собеседница — статная девушка в кожаном плаще до пола — со спокойным и вежливым интересом вслушивалась в сумбурные рассуждения и время от времени поправляла возлюбленному то размотавшийся шарф, то непослушную прядь волос. Остросулая, хитроглазая, с кроваво-красной помадой и тонкой папирсой в мундштуке — правда, не погасшей, а изящно тлеющей. Черты лица влюбленных были на первый взгляд похожи, а красота — в равной степени притягательна. Но прелесть девушки значительно отличалась от его харизмы — она была продуманной, гармоничной. Коготки — того же оттенка, что и губы, берет подобран под цвет глаз, а высота каблуков рассчитана по коэффициенту идеального соотношения роста и длины ног.

Спутник игриво увлек ее к скамейке. Пока девушка докуривала и протирала салфеткой место, куда собиралась присесть, поэт со счастливо-безумным выражением любовался

ею: человеческих эмоций не хватало, чтобы вынести дьявольский магнетизм. Собравшись с мыслями и прогнав из головы назойливые рифмы, мужчина с надеждой заглянул в демонические глаза, пытаясь найти ответ на мучивший вопрос. Достал из кармана коробочку, снял с ее руки перчатку и надел на палец обручальное кольцо.

Девушка залюбовалась камнями и улыбнулась. Быстро поцеловала его в губы, стараясь не смазать помаду. «Ого! Полтора карата, наверное... Неужели на гонорар?»

— Так значит да?!

Мужчина порывисто прижал к себе невесту. Та целомудренно отстранилась, а поэт, рассмеявшись ее смущению и собственной смелости, подхватил любимую на руки и закружил, декламируя куда-то в небо:

Над домами, домами, домами
голубые висят облака —
вот они и останутся с нами
на века, на века, на века.

Опустив девушку на землю, он взял ее под руку и повел вдоль ив, продолжая монолог. Демонические глаза не отрывались от бриллианта-ашера,

в гранях которого радужно преломлялось солнце. Коготки разглаживали складку чуть помятого плаща. В голове промелькнуло: «А если расстанемся?»

Только пар, только белое в синем
над громадами каменных плит...

Никогда никуда мы не сгинем,
Мы прочней и нежней, чем гранит.

Пропуская мимо ушей его щебетание, она разглядывала вспыхнувшие на морозе пальцы. Вдруг выражение лица изменилось, стало тревожным и сосредоточенным. Девушка сбилась с ритмичного прогулочного шага и чуть отстала, роясь в карманах: «Господи, где же она?»

— Ты посмотри, какие фиалки!

Юноша сгреб в охапку все букетики у ошалевшей продавщицы, которая даже не успела разложиться на рабочем месте, и бросил к ногам невесты.

Пусть разрушатся жизни скорлупы,
геометрия жизни земной, —

Она озиралась по сторонам и шурилась. «Целый месяц цвет подбирала! Где же...»

Гала Узрютова

КРОМЕ ОДНОГО

В один вечер показался на Волге ежевичный остров. Видел ли его кто-то, кроме меня, не знаю. На соседской деревянной лодке плыть туда минут десять. Смогу ли грести, когда мне двенадцать лет? Я села в лодку и попробовала весла на вес. Тяжелые, но поддающиеся. Придремав на берегу, лодка не хотела двигаться с места. Пришлось дернуть ее. Она проснулась и закачалась. Я оттолкнулась веслами от песка и поплыла к острову. Берег не становился меньше — только дальше и пустыннее. Берег прикармливает реку, выкормить не может. Песка уродилось много. Русло разбухло, и того гляди. Дети рождаются сразу в Волгу. Велика им река, другого берега не видать. Семьи были большие, детей по восемь. Детей в бассейны не водили, водили к реке. Никто за ними не приходил, не встречал никто на берегу. Ловили рыбу и большую, и малую. Вечером возвращались с реки загорелые и уставшие. Вечером ели рыбу и ложились спать. Я быстро. Соберу ежевику — и назад. Солнце еще не садится. Руки устали, в них не было силы. Не было рыбацкой ловкости, было любопытство. Остров розовел уже близко — то ли от спевшей ежевики, то ли от заката.

До этого я ни разу не была на острове, только на материке. Не знала, как с островом обращаться. Ведут ли острова себя так же, как материки? Что там — под островом? Остров медленно плывет? Или мы все плывем вокруг острова? Гребу от большой земли к малой, весла па-

дают из рук. Окунуть руки в Волгу. Здесь она холоднее, чем у берега. Здесь она уже принадлежит острову, а не материке. Отсюда избы на берегу выглядят маленькими речными ягодами. Они споянились у соснового леса и смотрят на Волгу сверху. Вечерний свет настоялся на волжской воде и мазал песчаный яр красным. Солнце уже опускается, грести дальше. В сущности, остров — та же земля, только плавающая, чего пугаться. Бабушка рассказывала, что ежевика там крупная и сладкая. Что они собирали ее в подол, ссыпали в ведра и отвозили на другой берег продавать. А потом острова затопили, и ежевика вместе с домами ушла под воду. Всегда говорила, что хотела бы хоть раз снова протведать ту ежевику. Ведра нет, но в подол я ежевику наберу. Еще немного — и высажусь на остров, как мореплатель. Или моя бабушка много лет назад. Бабушка молилась за всех нас. Во рту было так намолено — слов не вставить. Снега-то намолото, говорила. Снега-то перебелено, что измято.

Я доплыла до острова и вылезла из лодки. Толкнуть ее к берегу было еще тяжелее, чем оттолкнуть. Отсюда казалось, что та земля вдалеке — и есть остров, а я стою на материке. Скорее за ягодой, пока она не растворилась в реке. Ежевика и правда была крупной и сладкой. Большие розовые и черные шишки. Не зная, с какой начать, я сорвала первые попавшиеся ягоды и положила в рот. Они лопались на зубах — спасали самих себя, и вытекали. Текли по локтям. Текли на платье. На новые сандалии. Я подбежала к воде, чтобы отмыть их, но ничего не вышло. Бросила сандалии в лодку — и вглубь острова, сле-

дуя за ягодой. Внутри солнца было уже не так много, но ежевика розовела, накопив дневной свет. Мне нравилось, как ягоды вспыхивали во рту, и сок выплескивался, окрашивая язык. Темнело. Надо двигаться на свет. Я соорудила из подола большой карман. На лодке видела пакет, можно переложить ежевику туда. Но лодки на месте не было. Сначала я подумала, что перепутала место, но увидела — унесло течением. Ягоды выпали из подола, покрыв остров темными волдырями. Я собирала ежевику и ела, выплевывая речной песок. Переpravляя невидимого пассажира, лодка не волновалась о том, как я вернусь в деревню, и подчинялась медленным волнам. Мой крик с острова вряд ли дошел бы до берега, да и кто бы его услышал. Скоро ночь, бабушка, наверное, с ума сходит. Если только не легла спать, и тогда до утра меня никто не хватится. Я ела ягоды и смотрела, как лодка ударяется о берег. Красные руки в темноте казались черными. Натянула подол платья, измазанный ежевикой, на ноги. Сандалии остались в лодке, и ступни согреть нечем. Берег холоден не как река холодна, а как пустой дом в начале зимы. Ринулась по берегу, растапывая рассыпавшуюся ежевику в красный песок. Неужели никто даже не заметил, что я не вернулась с реки? Я уже ненавидела эту ежевику за то, что она позвала на остров.

Через час совсем счернело, ноги заледенели. Берега не видно, светятся только несколько окон в избах на яру. Поднимается ветер, и Волга говорит громче. Пахнет свежей водой, пахнет стихией. Что-то зашумело в деревьях, и оттуда взлетела большая птица. Дед

рассказывал, что здесь водятся солнечные орлы. Ни разу их не видела, но сразу поняла — это орел. Огромный, он сел на край острова и клевал выпавшую из подола ежевику. Никуда не торопился. От ягоды к ягоде — только он острову хозяин. Я влезла сюда без спроса. На яру погасли почти все окна, кроме одного. Квадратная луна, застывшая на месте.

К темноте быстро привыкаешь. Я смогла разглядеть орла, который, нависшись ягод, сидел на месте и смотрел на меня. Дед рассказывал, что такие орлы могут хватать добычу когтями и долго с ней лететь. Однажды местные видели, как он утащил зайца. Думаю, для него я слишком тяжелая, но он двинулся ко мне. Зажмуриться и не шевелиться. Я слышала, как орел ходит вокруг. Через несколько минут все затихло, и я открыла глаза. Орел смотрел мне в глаза, но вдруг взлетел в сторону берега. Его крик был собачий лай.

На берегу показались огни. Я орала и махала руками в темноте, как лягушка с красными ягодными лапами. Дед что-то кричал, но не слышать же. Когда орел сел на лодку, дед увидел в ней мои сандалии. Они поплыли к острову, а орел летел впереди.

Как только мы вернулись на материк, я отдала бабушке ягоды. Это она спохватилась, что я пропала, и они с местными стали искать меня. Бабушка рыдала и шамкала ежевику, рот ее так не краснел с детства. Не был так ежевичен с детства и подол ее. Через мои карманы сочилась раздавленная ягодная жизнь. Грохот орлиных крыльев затих в соснах на яру.